

Ковалевский Е.П.

ЧЕРНОГОРИЯ
И СЛАВЯНСКИЕ ЗЕМЛИ.
ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА
В ЧЕРНОГОРИИ

Ковалевский Е.П.

Собрание
Сочинений
Том 5

Егор Ковалевский

**Собрание сочинений. Том 5.
Черногория и славянские земли.
Четыре месяца в Черногории.**

«ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ»

2017

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)5

Ковалевский Е. П.

Собрание сочинений. Том 5. Черногория и славянские земли.
Четыре месяца в Черногории. / Е. П. Ковалевский —
«ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ», 2017

ISBN 978-5-9500068-5-2

Пятый том настоящего собрания сочинений Ковалевского Е. П. (1809–1868), дипломата, путешественника, ученого, общественного деятеля, состоит из нескольких частей, написанных в разное время по итогам его экспедиций в Черногорию. Издание оценят все, кто изучает историю российской дипломатии и геолого-географических исследований середины 19 века, а также широкий круг читателей.

УДК 821.161.1-8
ББК 84(2=411.2)5

ISBN 978-5-9500068-5-2

© Ковалевский Е. П., 2017
© ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ, 2017

Содержание

От издателя	6
Предисловие к изданию 2018 года	8
Четыре месяца в Черногории	11
Глава I	12
Глава II	14
Глава III	17
Глава IV	20
Глава V	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Е. П. Ковалевский
Собрание сочинений Том 5.
Черногория и славянские земли.
Четыре месяца в Черногории

© ООО «ПРИЯТНАЯ КОМПАНИЯ», 2018

От издателя

Основой 5 тома «Черногория и славянские земли. Четыре месяца в Черногории» предлагаемого Собрания сочинений Ковалевского Егора Петровича, дипломата, путешественника, ученого, общественного деятеля, послужил IV том издания, выпущенного типографией Ильи Глазунова в 1971–1872 годах уже после смерти автора.

Книга состоит из нескольких частей, написанных в разное время по итогам экспедиций Егора Петровича в Черногорию. «Думаю, что среди писателей, писавших до сих пор о нашей родине, нет ни одного, который бы с большей любовью отзывался о Черногории и чьи бы сочинения были проникнуты такой любовью к ней, как произведения Е. П. Ковалевского», – так писал Ж. Драгович в 1896 году (цитируется по [2]).

В части первой нарушена нумерация глав: «По политическим соображениям из текста цензурой Азиатского департамента МИД были удалены сведения об участии Е. П. Ковалевского в пограничном конфликте между Австрией и Черногорией» (см. примечание 205 к документу [15, С. 545]), поэтому в изданиях, начиная с 1841 года (включая и настоящее издание), отсутствует глава XII.

«Эпизод из войны черногорцев с австрийцами», написанный в 1864 и включенный в предыдущем издании в середину книги, вынесен нами в конец, т. к. он не только возвращает к событиям военного конфликта 1838 года, но и описывает революционные потрясения Италии, которую Егор Петрович посетил в 1848 году на обратном пути из Африки, и завершается адресованным ему письмом 1862 года.

Пунктуация и орфография в настоящем издании приближены к современным нормам русского языка. Географические названия и личные имена оставлены в тексте в написании предыдущего издания, за исключением мягкого знака после шипящих (*Черноевичъ и т. п.*), с сохранением всех встречающихся вариантов, в указателях они приведены с уточнением по различным источникам. По возможности устранены технические опечатки предыдущего издания.

Примечания настоящего издания отмечены курсивом.

Выражаем искреннюю благодарность Министерству иностранных дел Российской Федерации за поддержку проекта, Начальнику Архива внешней политики Российской империи Поповой Ирине Владимировне и сотрудникам Архива Волковой Ольге Юрьевне и Руденко Алле Владимировне за внимание и неоценимую помощь; сотрудникам Горного музея Санкт-Петербургского Государственного горного университета за внимание к нашей просьбе и предоставленную справку о наличии геологических коллекций, вывезенных Егором Петровичем из разных стран; Бранке Марович и Оливере Тодорович, сотрудникам библиотеки Академии наук и искусств Черногории, Анне Ниловне Литвиновой, ответственной за кабинет библиотеки Кафедры истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова и Дарье Александровне Сундуковой, выпускнице этой кафедры, и многим другим за хлопоты в поисках источников о Егоре Петровиче; Поздняковой Веронике Владимировне, студентке Харьковской государственной академии культуры, коллективу Протопоповского УВК Дергачевского районного совета в лице учителя русского языка и литературы, завуча школы Худoley Светланы Владимировны, учителя украинского языка, краеведа Остапчук Надежды Федоровны, а также Мельниковой Людмилы Григорьевны, которой, к глубокому сожалению, уже нет среди нас, за большую организационную и научную работу по увековечиванию памяти писателя на его родине – в селе Ярошивка Харьковской области.

Отдельная благодарность – авторам и составителям прекрасных монографий и сборников документов (список приведен в библиографическом указателе), сведения из которых позволили дополнить книгу данными более поздних исследований.



Предисловие к изданию 2018 года

Впервые в Черногорию Егор Петрович был командирован весной 1838 года с целью проверки предположения Озерецковского Я. Н. [1, 15] о наличии месторождений золота в селении Златица (Брда). Само предположение было высказано с целью усиления интереса Петербурга к Черногории и достигло цели: в письме от 10.03.1838 г. К. В. Нессельроде Петру II Петровичу Негошу о направлении в Черногорию Е. П. Ковалевского для разведки месторождений золота сообщалось: «[...] и во всегдашнем всемилостивейшем попечении о пользах черногорского народа [Николай I] высочайше благоволил повелеть отправить к вашему преосвященству горного инженера для произведения искусственной разведки помянутых месторождений и для удостоверения, не может ли разработка оных доставить черногорскому народу новый обильный источник доходов» [15, С.434].

Егору Петровичу была выдана инструкция о задачах его миссии в Черногории, согласно которой предписывалось *исключительное* занятие возлагаемым «по горной части поручением», и не прежде, «как по изъявлении на то согласия правителем Черногории архиепископом Петром Петровичем Негошем» [15, С. 435–436]. Кроме того, предполагалось, что подобное занятие позволит приобрести о Черногории «разные сведения в отношении физическом, географическом, статистическом и геогностическом». Также надлежало «уклоняться от всякого вмешательства в дела», которые не имели прямой связи с его поручением, и «вообще наблюдать в поведении и в действиях [...] строжайшую скромность и осторожность, дабы не подать отнюдь повода к каким бы то ни было несправедливым толкам ни со стороны самого владыки, ниже со стороны сопредельных с Черногориею австрийских и турецких начальств». Но события развивались таким образом, что Егору Петровичу пришлось принять самое деятельное участие в урегулировании военного конфликта между черногорцами и австрийцами, возникшего при проведении австрийско-черногорской границы [1, С. 224; 15, С. 475]. И хотя такое вмешательство предотвратило разрастание конфликта и получило положительную оценку как со стороны Черногории¹, так и со стороны России², Егор Петрович уже в конце сентября 1838 года был отозван в Петербург. В Отношении Е. Ф. Канкриня временно управляющему МИД П. Г. Дивову об отзыве Е. П. Ковалевского из Черногории от 4 окт. 1838 г. написано: «... им открыты месторождения железных руд, признаки медных, бурого каменного угля и лигнита и собраны материалы для составления геологического описания Черногории – страны малоизвестной в сем отношении ученому свету. Между тем возникшие у черногорцев с турецкими и австрийскими подданными ссоры, доходящие до настоящих сражений, в которых со стороны Австрии приняли даже регулярные войска, лишили капитана Ковалевского всякой возможности продолжать розыскания» [15, С. 478].

Возвратившись в Россию, Егор Петрович предоставил в МИД два документа: 1) Статистическое и географическое обозрение Черногории; 2) Записку о Черногории³. В этой записке Егор Петрович, в частности, писал: «Число окрестных христиан православного исповедания, отрасли славян, находящихся в Турецкой и Австрийской Албании, Боснии, Герцеговине и Далмации, не говоря о Сербии и Болгарии, простирается до 1.100.000 (до 150 тыс. оруженосцев), и внимание всех обращено на Черногорию. Не с завистью смотрят они на нее, но с ожиданием,

¹ В письме от 1 августа 1838 года о вторжении австрийских войск на территорию Черногории Петр II Петрович Негош писал из Цетина К. В. Нессельроде: «Таким образом неприятное положение Черногории устранено благоразумием и самоотвержением, с которыми действовал капитан Ковалевский...» [15, С.471].

² Известно, что на докладной записке, в которой Егор Петрович подробно объясняет свои действия, Николай I поставил помету: «Le capitaine Kowalewsky a agi vtrai russe» (Капитан Ковалевский действовал как настоящий русский) [17, С. 118–119].

³ Эту записку Павичевич Бранко, будущий Президент Академии наук и искусств Черногории, подробно описал в 1967 в исследовании «Меморандум Егора Петровича Ковалевского» [14, 15].

надеждою и мольбой. Судьба Черногории увлечет их за собою. Это постигают ее соседи и не раз стремились к уничтожению самобытности ее. Путем оружия это невозможно, но легко возбудить прежнее безначалие, все ужасы раздоров и бедствия кровомщения последуют потом – мысль ужасная для человечества, но, судя по опытам, входящая в необходимость политики ее соседей. Черногория может истерзать сама себя, если покровительство России не будет над нею бдительным провидением, которое может изготовить блестящую участь для этого народа, сильного, юного и преданного России безгранично и безусловно» [15, С. 494].

В 1838 году в «Горном журнале» были опубликованы первые итоги его путешествия под названием «Ком (Из путевого журнала)» [5], более полные результаты – в «Горном журнале» за 1839 год в статье «Черногория (в геогностическом отношении) с приложением петрографической карты» [7], которые вошли в «Геологический очерк Черногории». Книга «Четыре месяца в Черногории» с приложением составленной им новой карты, открывшей эту страну для европейцев, впервые была опубликована в 1841 году с некоторыми исключениями по цензурным соображениям. Чтобы восполнить этот пробел, Егор Петрович вернулся к событиям 1838 года в 1864 году, опубликовав очерк под названием «Эпизод из войны черногорцев с австрийцами» в журнале братьев Достоевских «Эпоха» [10].

В октябре 1851 г. в Цетине от скоротечной чахотки скончался владыка Петр II Негош. И хотя в завещании было указано: «Наследником назначаю Даниила, сына Станкова⁴, моего племянника. Ему передаю издревле узаконенное в Черной Горе владычество» [15, С. 693], в борьбу за власть включились старший брат покойного митрополита Перо Томов и двоюродный брат Георгий Савов, выдвигавший кандидатом на митрополичий престол своего племянника Крсто Машана Петровича [1, С. 308]. «Для поддержания прав нового владыки черногорского» в Черногорию в качестве доверенного лица был командирован Егор Петрович, хорошо знакомый с этой страной [15, С. 695]⁵.

Егор Петрович прибыл в Цетине в конце марта 1852 года. Собранные во время поездки материалы к биографии Петра II Негоша Егор Петрович опубликовал в «Современнике» в 1854 году [4]. В эту часть книги также вошли события начала 1853 года, когда Егор Петрович был в очередной раз командирован в Черногорию в связи реальной угрозой оккупации ее турецкими войсками. «В конце января 1853 года Е. П. Ковалевский был уже в Вене, где после переговоров с Буолем и Францем-Иосифом о мерах, направленных на приостановку наступления войск Омер-паши, вместе с австрийскими представителями отбыл в Черногорию в район боевых действий» [1, С. 328]. Дальнейшие события и подробности переговоров с Омер-пашой в Подгорице он описал в «Путевых записках о славянских землях», опубликованных в 1859 году. Юрий Петрович Аншаков в своем исследовании отмечал: «Страстный и убежденный защитник Черногории Егор Петрович Ковалевский во время этих переговоров настаивал на передаче Грахова Черногории, он считал, что черногорцы имеют право на территорию Грахова, и ставил об этом вопрос перед русским посольством в Константинополе. Аналогичную позицию Егор Петрович Ковалевский занимал и в вопросе об островах Лесендро и Вранина. [...] благодаря усилиям Е. П. Ковалевского и австрийского агента подполковника Зайчека войска Омер-паши были вынуждены очистить Грахово и освободить пленных» [1, С. 330]. Мирное соглашение, по которому предусматривался обмен пленными и трофеями, а также соблюдение порядка в пограничных областях, было подписано ¹⁶/₂₈ февраля 1853 года [1, С. 329]. Глава Черногорского княжества высоко оценил заслуги Егора Петровича. В письме к нему князь Даниил от своего имени и всего черногорского народа выражал «чувство наивысшей благодарности

⁴ Данило Станков Петрович.

⁵ В инструкции К. В. Нессельроде Е. П. Ковалевскому от 11 января 1852 года указывалось, что он направляется в Черногорию для «ближайшего исследования внутреннего положения края; для вящего поддержания законных прав Даниила Негоша, для преподания тамошнему правлению полезных советов и наставлений» (цитируется по [19, С. 338–339]).

и вечной признательности за все труды, которые Вы на пользу Черногории сделали во время войны» (цитируется по [1, С. 331]).

В конце ноября 1853 года накануне войны с Турцией Егор Петрович выехал на Балканы «для выяснения возможности организации выступления балканских народов в поддержку русской армии» [17, С. 124–125]. В Черногории Егор Петрович оказывал всяческое содействие властям в вопросах обороны страны, увеличения боеприпасов, обучения артиллерийскому делу. «Но выступление, которое начали черногорцы вместе с герцеговинцами, осталось без поддержки. Действия русского дипломата вызвали недовольство в Вене» [17, С. 126]. Учитывая угрожающую позицию Австрии, в мае 1854 г. русский посол в Вене П. К. Мейендорф отозвал Ковалевского из Черногории.

В июле 1854 года из Вены Егор Петрович выехал на Дунай в армию князя М. Д. Горчакова, а в марте 1855 года уже был в осажденном Севастополе.

Материалы, собранные им во время русско-турецкой войны, вошли в 4 том настоящего Собрания сочинений «Война с Турцией и разрыв с западными державами в 1853 и 1854 годах. – Бомбардирование Севастополя».

За «воздаяние трудов понесенных при исполнении особо возложенного от Министра Иностранных Дел на него поручения» во время командировки в Черногорию в 1838 году, «ему был Всемилостивейше пожалован 24 февраля 1839 года Орден Св. Владимира 4 ст.»⁶.

«10 Июня 1853 года по всеподданнейшему докладу Г. Управляющего Министерством Иностранных Дел, Всемилостивейше разрешено принять и носить пожалованный ему Его Величеством Императором Австрийским Орден железной короны 2^й степени»⁷ за успешные дипломатические переговоры русско-австрийской делегации с турецкой стороной в Подгорице, которые привели к миру.

В 1856 году «Государь Император, по всеподданнейшему докладу Министра Иностранных Дел, Всемилостивейше соизволил разрешить Г. Ковалевскому принять и носить пожалованные ему Правительством Черногории, крест⁸ и золотую медаль. (Приказ по Корпусу от 19 Мая 1856 г. № 16)»⁹.

⁶ См. Формулярный список в Приложении к 1 тому настоящего Собрания сочинений «Странствователь по суше и морям».

⁷ Там же.

⁸ Как уточнили наши коллеги из Черногории, речь идет об ордене «За независимость Черногории», учрежденном князем Данило I 23 апреля 1853 г. для награждения за подвиги в войне против Турции 1852–1853 гг. Его изображение можно увидеть в книге Милана Йовичевича «Crnogorska odlikovanja [Cernogorskie otlicija]», Cetinje, Muzeji Cetinje, 1982, С 30.

⁹ См. Формулярный список в Приложении к 1 тому настоящего Собрания сочинений «Странствователь по суше и морям».

Четыре месяца в Черногории

Гибон сказал: «Албания, которую можно видеть с берегов Италии, менее известна, чем внутренность Америки». Он был прав, особенно применяя слова свои к Черногории, которая и теперь на географических картах носит чуждое ей имя Турецкой Албании. Естественные трудности, представляемые краем, недоверчивость жителей его к чужеземцам и те понятия, которые составила о нем образованная Европа, заградили путь в Черногорию для путешественников и искателей счастья, нередко встречаемых в отдаленных провинциях Азии и Африки. Весьма немногие достигали до Цетина, местопребывания Владыки, и только я один, покровительствуемый народом и обстоятельствами, проникнул в отдаленные провинции Берди.

Глава I

Переход из Катара в Цетин

¹⁶/₂₈ мая.

В Триесте сел я на трабаколу, небольшое купеческое судно.

Не стану описывать своих приключений на море. На этот раз я не остановлюсь даже в Катаре, прилепленном, словно ласточкино гнездо, к голой скале, – Катаре, который так часто участвовал и, по физическому своему положению и единоверию жителей, будет всегда участвовать в судьбе Черногории. Об этом после. К своей цели, к своей Мекке стремлюсь я неуклонно, подобно набожному мусульманину, отстраняя взоры свои от предметов напутных.

Только день провел я в Катаре, и в этот день должен был разменяться обычными визитами со всеми властями городскими и пограничными, должен был выдержать бесконечно-длинный обед у А. и его первый дипломатический приступ, расчесться с таможней, впрочем весьма вежливой и даже обязательной, по крайней мере со мною и наконец изготавиться для дальнейшего путешествия. Очень неохотно расстался я на другой день, в три часа утра, с мягкой постелью и сном, – сном столь сладким, что и теперь с удовольствием вспоминаю о нем. Делать было нечего. Переники¹⁰, присланные Владыкой, уже ожидали меня. Мы выступили. Предуведомленная накануне комендантом городская стража отперла крепостные ворота и – шаг за воротами – черногорцы весело приветствовали наш выход перекатным ружейным огнем, с которым я так свыкся впоследствии, но который и поныне пугает мирных катарцев.

Чудное дело: два народа, столь близкие по физическому положению, разделены навечно между собою понятиями, образованием, духом, религией и наконец самым Ловчином, этой неприступной грядой гор, отделяющей Черногорию от остальной части Европы.

Горизонт неба едва занимался заревом приближающегося светила, но вершина Ловчина уже купалась в его лучах и горела, и сияла, как жар-птица в наших сказках. Залив Катарский, лучше которого и в мире ничего нет, спал сном праведника, существующего для блага человечества – и только для блага. Божий мир лежал передо мною во всей красе своей; но, мало-помалу, я отклонял от него свои взоры, томимый страданиями брэнного тела; я уже изнемогал, а Ловчин восставал передо мною все выше и страшней; едва переходили мы одну преграду, являлась другая, еще неприступнее; едва взбирались на утес, по выдавшимся камням или инде иссеченной лестнице, нередко цепляясь за колючий куст, и опять скользили вниз по осыпям; казалось не было конца пути, а солнце, столь приветливое в начале дня, дышало пламенем; лучи его становились отвесными; я задыхался от зноя и усталости, но вдруг пахнуло отрадной прохладой с покрытой снегом вершины горы и я ожил.

Не удивляюсь теперь, что жители Катара никак не в состоянии убедиться в возможности перехода через вершины Ловчина, хотя ежедневно видят приходящих из-за него и уходящих за него черногорцев.

Катаро со своими стенами, взбежавшими высоко вверх по воле своего великого творца Микель-Анджело, мало-помалу становился неприметнее и наконец исчез на дне бездны. Мы были на вершине Ловчина!

Напряженное зрение устало; пена воображения опала; тело просило покоя; я расположился близ озера, находившегося, по чудной прихоти природы, на самой вершине горы. Как прекрасно покоилось это озеро в своей овальной чаше, в своей первобытной красе. Только местами били и крутили и опускались вниз подземные его ключи. – Откуда взялось это водо-

¹⁰ Охранная стража Владыки Черногорского.

хранилище, никогда не переполняемое? Куда сбывает оно излишек вод своих? Но эта мысль коснулась меня только слегка. Я с наслаждением погрузился в азиатское бездействие души и тела, и в рассеянности слушал тарабарские имена, которыми мой черногорец обозначал окрестные места. Одно из них однако коснулось моего слуха своей странностью. – «Знаете ли почему вон тот исток называется Ноздерц?» – спросил меня рассказчик. – «Почему?» И легенда началась...

В нескольких шагах от нас дожидали мулы и лошадь, высланные Владыкой из Цетина и мы, утолив голод и жажду, пустились в дальнейший путь, я, как водится, на коне, а другие – кто верхом на муле, кто пешком, и этих была большая часть, впрочем, все освобожденные от ноши, которую они тащили через горы. Принужденные часто всходить пешком на обрывистые горы и потом отдыхать, словно после поденной работы, мы подвигались медленно вперед, но все-таки, после полудня, достигли до села Негуши, – палладиума Владык Черногории, а к вечеру прибыли в Цетин, куда перенес свое пребывание из Станевича святопочивший Петр и где пребывает нынешний Владыка Черногории. Еще издали, едва завидели монастырскую башенку, мы остановились; спутники мои стали молиться. С благоговением и любопытством глядел я на них. На гребне горы, в ширину которого едва помещался человек или цепкий мул, было рассеяно несколько черногорцев: иные еще молились с чувством глубокого воодушевления, устремляя взоры свои к Цетинскому монастырю, где хранилось их сокровище – мощи святопочившего Петра, другие, окончив свою молитву, стояли, опершись на длинные ружья, в положении, столь им обычном; в своих живописных нарядах; с блестящим за поясом оружием и развевающейся за плечами струкой, они ярко рисовались на позлащенном горизонте. – После молитвы раздались выстрелы; как будто черногорцы хотели показать в то же время и смирение свое перед небесами и угрозу земли. Из Цетина отвечали сотнями выстрелов, которые не умолкали до нашего прихода в монастырь. Шумная радость сменила их. Толпы черногорцев окружили меня, приветствовали и целовали: я был в родной семье!..

Глава II

Цетин и нынешнее правление Черногории

Броневский, между прочими чудесами, говорит¹¹, будто Цетин, зубцами своих стен... своими позлащенными главами и крестами... напомнил ему Кремль и Москву! – Цетин, состоящий весь из монастырского здания, в котором едва вмещается десяток келий да тесная церковь! Не говорю уже о позлащенных главах: на нем, даже, нет креста, кроме высеченного на монастырских воротах, свидетельствующего о бедности Божьего дома. Если мы прибавим к этому четыре или пять изб, которые служат гостиницами для черногорцев, всегда толпящихся в Цетине, то мы со всею подробностью опишем наружный вид Цетина, времен Броневского. В Черногории, загроможденный утесами и осыпями, Цетин славится обширностью расстилающейся вокруг него равнины, не имеющей, впрочем, и пяти верст в окружности. С вершины Ловчина Черногория представляется взволнованным морем, на котором, как пики (pic), восстают Дормитор, Ком и несколько других гор, но, из числа равнин, только одна Цетинская заметна и кажется глубокой впадиной. Сколько раз, в глухую полночь, которая так здесь отрадна своею свежестью, проходили мы с Владыкой эту долину с одного края до другого без стражи, без оружия, и только разве глаза слишком бдительного переника сторожили нас издали и неприметно.

Владыка – глава Черногории. Митрополит, военачальник и судья, – он связан тройственным союзом со своим народом. Надежда на мир лучший и счастье в настоящем, молитва перед Судьей Верховным и защита от сил земных, все упование народа в его Владыке. Стоя высоко по уму и образованию над своими соотечественниками, Владыки Черногории умели снискать к себе народное благоговение. Не было примера, чтобы черногорец нанес кому-либо из них личное оскорбление, не говоря уже о посягательстве на жизнь. Власть их ограничена только общим мнением и обычаями предков, которые чтутся как закон и исполняются точнее и непременно закона письменного. Несмотря на это, по-видимому слабое ограничение власти, сосредоточенной в лице одного, нигде свобода поступков, лишь бы она не нарушала прав собственности и личности другого, не видна так, как в Черногории. – До сих пор народ не знал ни податей, ни правильной службы; все его обязанности сосредоточиваются в защите отечественной свободы, которую он сохранил чистой и неприкосновенной от всех покушений своих соседей, и ныне это невинная, как голубица, невеста, готовая под венец, а не под жертвенный нож, как угодно уверять некоторым из современных нам писателей. Правда, новые времена, новые покушения на независимость Черногории заставили Владыку противопоставить несменяемую оборону против своих соседей; он образовал из черногорцев несколько сотен постоянного войска, на своем иждивении, устроил сторожевые укрепления по границе, и все это, может быть, не без некоторых пожертвований со стороны народа; но ведь нес же этот народ все свое имущество и жизнь на защиту отечества, и еще в недавние времена Кара-Махмута, а принятые меры Владыкой, – Бог даст, – надолго устранят покушения новых Кара-Махмутов.

Нынешнее управление Черногории скорее можно назвать патриархальным, чем военнo-духовным, как его обыкновенно называют. Отец все еще остается господином в своем доме, а сердарь в нахии; но первый не имеет уже власти над жизнью своего семьянина или домо-чадца, а последний – на имущество вверенных ему Богом и Владыкой граждан. Звание сердаря нахии, или начальника округа, все еще наследственное и остается в родах издавна славных своей храбростью; но ныне, нередко, неспособный сердарь заменяется одним из его родовичей,

¹¹ Записки морского офицера и проч. 1818 года. – *Броневский Владимир Богданович. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина от 1805 по 1810 год. СПб., 1818–1819. 4 т. – Прим. ред.*

и народное мнение не поддерживает своим уважением сменного, наперекор воли Владыки. Отряд, или, правильнее, община, известная под именем «гвардии» и учрежденная нынешним Владыкой, заботится о внутренней безопасности и защите прав каждого. В гвардию принимаются молодые люди известной фамилии. Они получают жалованье от Владыки, живут в своих семействах, но во всякое время готовы чинить суд и расправу в случаях менее значительных, выходящих однако из-под семейного влияния, содействовать сердарю того округа, которому принадлежат, в исполнении его приговоров, и являться, по воле Владыки, на службу ратную, – оборонять границы, преследовать опальных, взимать пеню с виновных. Гвардия находится собственно в зависимости сердарей; но когда я говорю о зависимости в Черногории, то не должно принимать это слово в обычном нам значении. Черногорец исполняет с точностью приказание старшего только тогда, когда убежден в необходимости этого исполнения или когда приказание идет от Владыки; в других случаях он беспечен, как и всякий, привыкший к воле и южному солнцу, кого излишние потребности и нужды не приучили к непрерывной заботе, а роскошь жизни не заставила ежеминутно опасаться за нее. Черногорец деятелен в одном случае, когда слышит клич на битву. Это его стихия. Конечно не врожденная склонность, не инстинкт разрушения дали подобное направление целому народу, – это было бы противно человеческой натуре, но необходимость самохранения и потом, частью, привычка.

Сердарь разрешает жалобы, примиряет ссоры и предупреждает кровомщение своих сограждан; впрочем, никто не налагает обязанности на тяжущихся идти на суд сердаря; всякий волен обратиться к любому старшине или воеводе, и вообще к тому, в ком надеется найти более справедливости, и приговор в этом случае исполняется также, как бы он был произнесен самим сердарем; а как за решение всякого дела определена судье известная плата со стороны тяжущихся, то всякий старейшина старается приобрести народную доверенность и любовь; это одно из оснований той утонченной вежливости и снисходительности, с которой старшины обращаются с народом. Власть сердаря умного и деятельного довольно обширна; в народных собраниях, которые бывают большею частью по воскресеньям и где сердарь – глава и распорядитель, заключают и разрывают мир с пограничными турецкими племенами и городами; назначают неприятельские действия, посылают чету для разведок, устраивают мирские дела, – последние, вообще, редко возбуждают внимание начальников, – примиряют враждующие племена и определяют наказания виновным.

Сенат есть высшая инстанция; он находится в Цетине и называется «Большой Суд» для отличия от «гвардии», которая носит имя «Малого Суда». Начальники всех нахий, или округов, составляют присутствие сената; но так как они часто должны отлучаться во вверенные им округа и оставаться там некоторое время по своим или народным делам, то к ним присоединено еще несколько сенаторов из старшин знатнейших фамилий преимущественно. Вице-президентом сената нынче двоюродный брат Владыки, Егор Савич Негуш, служивший некогда в русской службе, а президентом – Владыка Черногории. Все внутреннее управление Черногории, верховный суд и власть распорядительная соединена в сенате. – В делах более сложных и важных изложение обстоятельств и решение дела производится на бумаге секретарем сената. В случаях обыкновенных – устно. Малый Суд и сердари вовсе не употребляют ни переписок, ни соединенных с ними проволочек при своих разбирательствах и исследованиях: дела решаются обыкновенно устно; мы будем встречать образцы их судопроизводства. Обвиненные в убийстве, в нанесении оскорбления Владыке, в измене против отечества, приговариваются сенатом к смертной казни. Владыка, как лицо, облеченное духовным саном, остается чуждым этих приговоров. Приговоренный к казни расстреливается. Соседи Черногории привыкли истощать свое остроумие над убогим зданием, в котором помещался прежде сенат, и над безграмотностью многих сенаторов; с этой точки они глядят на политическое образование Черногории, и горько ошибаются, и дорого платят за свои ошибки. Грядущее в руках Провидения, но, следуя естественному закону, невольно думаешь, что юное и сильное деревцо некогда вырастет

высоко, возмужает, окрепнет и широко раскинет ветви свои над тем местом, где будет истлевать полуразвалившийся, отживающий свои века дуб, и может быть приютит его под отрадную тень и доставит ему питательную росу. Сенат ныне перенесен в прекрасное здание, воздвигнутое нынешним Владыкой, на удивление всей Черногории. Суд и правда чинятся в нем честно и хотя не на основании письменных законов, которых, как мы заметили, нет, – если не считать небольшого сборника покойного Владыки, – однако на основании совести и народных прав.

Дела особенной важности, требующие быстрого распоряжения, все сношения внешние, управление митрополией, раздача милостей и наград относятся к лицу Владыки. При нем состоит Народный Секретарь. Сорок человек, известных под именем переников, составляют телохранителей Владыки, это цвет и краса юношества; не одно происхождение и наружность дают право на звание переников, но и личные достоинства, какой-нибудь особенный подвиг храбрости или поступок чести; едва ли один из них найдется не раненный; малейшая жалоба на переника, малейшая несправедливость, оказанная кому-либо с его стороны, – и он исключается из своей общины телохранителей. Переники образованы нынешним Владыкой и преданы ему безусловно и безгранично; в первый раз они были употреблены в дело нынче, против австрийцев где, своей отчаянной храбростью, заставили дивиться себе самих неприятелей и таким образом начали ряд геройских подвигов, который конечно им суждено пройти, хотя в кругу очень тесном, однако тем не менее достойном их славы. Переники по одежде отличаются от прочих черногорцев только двумя буквами, вышитыми на шапочке: это начальные буквы той нахии, к которой переник принадлежит по своему роду и племени; таким образом, Н. К. означают Нахию Катунскую, Н. Ц. Нахию Церничскую и так далее.

Глава III

Нынешний и святопочивший владыки Черногории

С особенной отрадой вкушал я тишину мирной монастырской жизни и горный воздух Черногории. Келья моя была рядом с кельей Владыки, и, вместе с двумя соседними, составляла все укромное жилище Правителя Черногории. В одной, из двух остальных келий, помещалась его обширная библиотека, другая – служила ему спальней, кабинетом и приемной; столовая – рядом. Большую часть дня проводил Владыка в трудах и занятиях по управлению своим народом; у меня были свои заботы, главнейше занимался я изучением туземного языка. – Язык этот, без сомнения, составляет самое чистое и не испорченное сербское наречие; между тем как речь серба испещрена множеством иностранных слов, особенно турецких, язык Черногории остался в первобытной красе своей, как и сам ее характер. Только несколько иностранных слов, итальянских и турецких, занесено сюда вместе с иностранными предметами, для которых не нашлось сербских названий.

Остальное время дня я проводил с Владыкой. Иностранцы часто говорили о нем. Видя его мельком в Вене или зная только понаслышке, они исказили не только характер, но даже наружный вид его, и это одно уже налагает на меня непрременную обязанность представить его лицо в настоящем свете. Я должен начать рассказ свой несколько выше.

В то время, когда Наполеон громил всю Европу, русская флотилия на Адриатическом море одна не знала поражений. Ею командовал Сенявин, а с ним, неразлучно или в постоянной связи, находился Владыка Черногории, предместник нынешнего, герой Славянского края; с небольшим десантным отрядом, составленным из русских и черногорцев, они били французов по всему восточному берегу Адриатического моря, от Антивари до Зары. Древняя республика Рагузы оставила по себе одни развалины. Катаро, эта чудная твердыня, воздвигнутая по чертежам Микель-Анджело, была два раза взята черногорцами приступом, с помощью одних ружей и ятаганов и при незначительном пособии флота, случившегося в проливе Бокоди-Катаро, в первый раз русского, во второй – английского. Святопочивший (как называют черногорцы своего покойного Владыку) признан был Правителем духовным и гражданским провинции Бокоди-Катаро. Но не стало Наполеона; Европа облеклась в прежние формы, и Черногория должна была также вступить в свои границы и сдать Катаро, купленный ценою ее жертвований и омытый кровью русских, австрийцам. Она свято исполнила волю русского монарха, которому вверила судьбу свою при заключении Парижского трактата. От прежнего времени Черногории осталась только одна слава, а с нею вместе усилившаяся до крайности страсть к битве. Раздоры, порожденные частым отсутствием Владыки и неприязненным влиянием соседей, кипели внутри, пограничные сшибки не умолкали, кровомщение заменило все законы и всю власть. При этих-то обстоятельствах только мощная рука Святопочившего Петра, закрутив бразды правления, удерживала народ в повиновении и единстве. Это было необыкновенное лицо необыкновенного девятнадцатого века. С прекрасной наружностью, он соединял глубокий, проницательный ум, который приводил в отчаяние самых искусных французских дипломатов, обвивавших его кольцом лести и соблазна; но никогда не прикрывал он политической необходимостью видов собственного честолюбия, и оставался верным своему долгу и слову, при самых трудных для него обстоятельствах. Его честолюбие или, правильнее, его ум и деятельность конечно не могли вмещаться в тесном кругу Черногории. Овладев Катаром, он сделался духовным главою всего Поморья. Герой своего века и края, Петр имел чрезвычайное влияние на все Славянские племена православного исповедания, и, при его усилиях, не раз стращали они тяжкие цепи французского владычества и не унывали при неудачах. Напрасно французы, не успевшие ни привлечь его на свою сторону всевозможными обещаниями, ни победить его, поставили над Поморьем другого митрополита, – духовная власть Святопочив-

шего Петра, а с тем вместе и влияние над ним не уменьшились. – Он был чрезвычайно храбр, и, нередко, увлеченный жаром битвы, опережал своих с крестом в одной и с мечом в другой руке. Простое, патриархальное обращение возвышало его характер и, соединенное с даром сильной и убедительной речи, увлекало за собой собеседников, которые никогда не замечали проглядывавшей в его орлином взоре недоверчивости, отличительной черты черногорцев и вообще всех восточных народов. Святопочивший Петр пользовался вполне милостью и доверенностью русского монарха, которая, если и колебалась когда, то потом возрастала с большею силою. Он украшался знаками ордена Св. Александра Невского, а многие из его сподвижников имели знаки Георгия 4-й и 3-й степени. Любимый в высшей степени своим народом, он преставился, смертью праведника и достойного правителя, среди стекшихся отовсюду черногорцев, поучая их до последней минуты своим словом. Он умер 18-го октября 1830 года, и племянник его, 18-летний юноша Петр, нынешний Владыка, наследовал, по выбору народа и духовному завещанию умершего, его митру и власть гражданскую, при тяжких обстоятельствах, о которых мы говорили.

Правда, Святопочивший завещал своему народу уничтожение кровомщения и всяких раздоров, совершенную тишину внутри и на границах, сроком на полгода, – и черногорцы свято исполнили это завещание, облекшись в глубокий траур мира; но тем сильнее воспрянул он, по истечении заветного срока, тем с большей радостью стал оттачивать, покрытый ржавчиной, ятаган, и раздоры закипели пуще прежнего. Владыка, истощив мольбы и отчуждения от церкви, должен был прибегнуть к мерам более действительным, к мерам строгости и грозной кары, которые, в лице столь юного правителя, были совершенно неожиданны для черногорцев, и доказали, что они имеют достойного наместника Свято почившего.

Первый удар Владыка нанес гражданской власти, сосредоточивавшейся в лице его сопроводителя, именованного губернатором. – Эта власть, столь несовместная с управлением Черногории, закралась с незаметных времен, средствами насильственными, укоренилась давностью, злоупотреблением и нарушением прав Святителей, которые редко имели в губернаторах деятельных участников в соправлении и соревнователей своим благим намерениям, но чаще нарушителей своей воли и единства управления.

Достоинство губернатора было наследственное, первоначально в роде Вукотичей из Косово, впоследствии перешло в род Родоничей, иные говорят посредством купли и продажи, но гораздо справедливее по семейным связям или народному выбору, потому что для передачи этого права не довольно было взаимного условия двух родов, но требовалось согласие всего народа.

Родоничи враждовали с Негошами. В роде первых составилась заговор против лица и достоинства Владыки: не стану описывать этого дела, во всяком случае черного, как бы не объясняли его, скажу только, что губернатор был обвинен Народным Сенатом в нарушении прав Владыки, употреблении во зло Государственной печати, преступном сношении с чужестранцами и изгнан из отечества со всем своим семейством и соучастниками в заговоре. Достоинство губернатора уничтожилось. Вслед за тем Владыка устремил всю власть свою на кровомщение, эту стоглавую гидру, терзавшую Черногорию. Смертная казнь была установлена за убийство, под каким бы видом оно не совершилось, хотя бы в равном поединке, освященном обычаями Черногории. Некоторые племена до того усилились, помощью частых побед над другими, что сделались почти независимыми и грозили самой Черногории: надо было ослабить их, возбуждав против них целый союз других, мера жестокая, но необходимая по тогдашним обстоятельствам. Владыка переходил от препятствия к препятствию, и если не везде оставался победителем, то причиной тому был недостаток средств, которыми он обладал в ту пору; за то повсюду проявлялась та сила и непоколебимость воли, которая составляет отличительную принадлежность его характера.

Владыка образовал сенат на более точных началах, чем он дотоле существовал. Он определил жалованье сенаторам, и тем обязал их на всегдашнее пребывание в Цетине, между тем как прежде они являлись туда только тогда, когда позволяли им хозяйственные занятия отлучаться из дома; учредил постоянный отряд войска, под именем гвардии и переников, о которых мы говорили, завел училище, и, с помощью устроенной им в Цетине типографии, распространил в Черногории священные книги, в которых так она нуждалась; нынче секретарь его занимается изданием нужных для первоначального обучения книг, как-то: истории, грамматики и арифметики. Все эти преобразования тем более поражают, что Владыка пользуется самым незначительным доходом, который получает с рыбной ловли в озере Скутари, с монастырских земель и еще незначительных отраслей промышленности. Ни податей, ни таможенных сборов не знает Черногория. Нынешний Владыка, однако, всячески старается склонить народ на взнос самой ничтожной, правильной подати, от одного до трех гульденов (от 2 р. 15 к. до 6 р. 45 к.) с семейства, и должно надеяться, должно желать, чтобы он достиг этого.

Обращаюсь к наружному виду Владыки. Чрезвычайно высокого роста, стройный, с черными, как смоль, ниспадающими по плечам волосами, с глазами, полными блеска, правильными чертами лица – Владыка представляет образец мужественной красоты. Я знаю только *одного*¹², в лице которого более величия и поражающей красоты. Его знает вся Европа! Художник избрал бы правителя Черногории образцом для изображения Геркулеса, а философ путеводителем в своей жизни. Владыка ведет жизнь чрезвычайно умеренную: стол его более чем неприхотливый; в одежде своей прост, но отличается от прочих черногорцев. Он до того щедр и сострадателен к нищете, что нередко отдавал последнюю свою рубаху бедному. Изучение языков и литературные занятия составляют его страсть и отдохновение от тягости правительственных забот. Он считается одним из первых литераторов между славянами, очень хорошо говорит и пишет по-русски и по-французски, и, в случае нужды, может изъясняться по-итальянски. Но чувство в нем преобладающее, чувство, развитое в высшей степени, – это пламенная любовь к родине, к ее славе, ее благоденствию; в этом отношении, он постоянно находится в каком-то восторженном состоянии. Я мог бы долго говорить о правителе Черногории, и только скромность заставляет меня умолкнуть. – Трудный путь избрало ему провидение, но провидение и подкрепит его на нем!..

¹² О первой встрече Петра Негоша с Николаем I в 1833 году в столице распространился следующий слух: «когда Петр II Негош вошел, то Николай I, будучи очень высокого роста, увидев его, удивленно воскликнул: «О, вы выше меня!» Не растерявшись, владыка ответил: «Только Бог выше русского царя» [15, С. 28]. – *Прим. ред.*

Глава IV

Путешествие по нахии Церничке

25-го мая (6-го июня).

Обжившись в Цетине, ознакомившись несколько с народом и сблизившись с его достойным правителем, я решился приступить к исследованию самого края, и на первый раз избрал предметом своей экспедиции нахию Церничку, как наиболее доступную по положению своему. 6-го июня нов. ст. я отправился в путь, в сопровождении нескольких переников и черногорцев из рабочего класса.

С каждым днем убеждаюсь более и более в том, что ограждает, и надолго оградит, свободу черногорцев? Это их горы, неприступные для европейцев, это их нравы, дикие для так называемого образованного человека, это их обычаи, заменяющие законы, и гораздо сильнее законов письменных.

Я изнемог. Переход через границу нахии Катунской и Речки напомнил мне горы Средней Азии. К счастью, здесь нет леса и болот на пути, за то эти наваленные в беспорядке громады известковых глыб, свидетельствующие о недавнем их разрушении, эти торчащие, острые камни и местами поросший терновник, прикрывающий бездны от глаз неопытного путника, казалось созданы для того, чтобы заслонить этот край от человека; но человек взял его с бою от вечно состязающейся с ним природы; он усвоил его, своею кровью упрочил обладание над ним, и отдаст только с бою, только с последнею каплею крови. Этот человек нам брат по духу и племени.

Для черногорцев везде путь; почти все деревни имеют между собою сообщение, но глядя на эти тропинки, выющиеся между утесами и ленточкой ниспадающие в бездну, вы скажете – это след зверя, или, скорее, вешний след нагорного ключа. – Мне вспал на мысль остроумный ответ Даниила, митрополита и Владыки Черногории, Петру Великому: – «Сколько у вас крепостей?» – спросил Петр. – «50», – отвечал, не запинаясь, Владыка. Он разумел под словом крепость каждую деревню, укрепленную этими неприступными горами и грудью черногорцев, и был прав! Может быть желал он также придать более важности своему народу, вступавшему, в то время под сильное покровительство России. Как бы то ни было, но Петр I, окинув орлиным взором восток Европы, постигнул всю важность союза со страной, ничтожной по величине и населению, но сильной своим мужеством и важной, для тогдашней политики, своею постоянною ненавистью к Турции.

«Село Черноевич» – важнейший торговый пункт Черногории, лежит близ реки Иван-Бегово-Черноевич, которая выходит из обширной пещеры, в 60 саженях от деревни, и судоходна почти от самого своего истока; я разумею судоходна для здешних ладей, напоминающих, своим разительным сходством, наши старые, донские лады, носившие страх и месть сильным, некогда, туркам. Эти лады поднимают от 10 до 40 человек, и привозят сюда хлеб, соль и рыбу из турецких прилежащих к озеру Скутари, крепостей и деревень, из города Скутари, Жабляка и, нередко, Бара (Антивари). Разумеется, что только одни христиане осмеливаются являться на здешних базарах, и то тайком от турецкого правительства, равным образом турецкие владения закрыты тщательно для черногорцев и для всякого путешествующего из Черногории, и легче уберечь голову свою в самой отчаянной сшибке, чем явившись за рубежом Черногории со стороны турецких владений.

Еще издали достигал до меня однообразный, печальный напев, прерываемый каким-то судорожным потрясением голоса, или всхлипыванием. Чем более он приближался, тем яснее можно было различить слова, которые сопровождали этот напев. – «Кто это поет?» – спросил я. – «Не поет, а «голосит», рыдает, что посекали турки у Бара» (Антивари). Вскоре пока-

залась женщина, в истерзанной одежде, с обнаженной головой, с которой ниспадали в беспорядке волосы и с лицом исцарапанным, покрытым язвами, окровавленным: это была вдова, жена Нико. В таком виде проходила она соплеменные села; воспевая дела убитого мужа, терзая себя и горько рыдая, возвещала о незаменимой своей потере, о потере всего своего племени, и сильной речью возбуждала народное мщение. Этот обряд сохранился в некоторой степени у нас, в Малороссии; он разительно поясняет столь частые и поэтические сравнения женщины, оплакивающей потерю мужа с «кукующей зузулей». Далее, мы встретили нескольких мужчин, которых лица так же были покрыты кровью; они возвращались с поминок, где плач и царапанье своего лица составляют необходимый обряд, заключаемый, как у нас, трапезой и попойкой.

Между обрядами Черногории, разительнее других «побратимство» и примирение людей, между которыми, как говорят здесь, «кровь». Побратимство прежде совершалось в церкви и сопровождалось молитвами и особенным торжеством; ныне, большей частью, вступающие в побратимство только обмениваются крестами; тем не менее, свят и не нарушим этот союз, и вступившие в него почитаются братьями. Примирение враждующих между собою лиц случается большей частью тогда только, когда вина одного, искуплена условленную цену в пользу другого; тогда виновный надевает себе на шею ружье, и в унижении коленапреклоненный, при стечении народа, испрашивает себе прощения; враги обыкновенно становятся друзьями. Можно себе вообразить, как тяжел этот обряд для черногорца, от природы в высшей степени гордого!

Гордость черногорца особенно отражается в сношениях его с чужеземцами. Всем, в поморье, известен анекдот о двух черногорцах, взятых в плен французами. Лористон хотел непременно отослать их в Париж, на показ народу, требовавшему, подобно римлянам, хлеба и зрелищ; черногорцы узнали о предстоящей им участи и предпочли ей другую: один из них размогил себе голову о стену своей темницы, другой уморил себя голодом.

Трехдневное наше пребывание в Черноевиче доставило мне возможность видеть базар, который бывает каждую субботу. Я не переставал удивляться, как эта толпа, состоявшая из 600–700 человек, могла так мерно, так плавно волноваться без всякого путеводителя, не выходя из берегов, не вскипая мятежом; как мог существовать этот порядок и самая строгая честность без полиции, без власти, без страха наказания, без всякого чуждого влияния, только по внушению собственного убеждения, по руководству своей совести и своего сердца. Так могуществен инстинкт взаимных сношений и порядка в человеке.

Количество названных уже мною сырых произведений, бывших на базаре, простиралось на сумму 15 т. рублей. Иногда бывает в продаже оружие, единственная роскошь, единственная отрада черногорцев, но это случается чаще после какой-нибудь большой четы¹³.

Я ринулся в базарную толпу без всяких предосторожностей. – Мои непринужденные движения, моя речь, моя одежда получерногорская возбуждали более участие ко мне, чем удивление; изредка встречал я, украдкой кидаемый, взор негодования турецкого подданного, или католика. Я заходил в трактир, или некоторого рода улучшенный питейный дом, садился в кружок пирующих и вел с ними шумную беседу. Особенно пленяли меня красота и разнообразие одежды.

Южные черногорцы ходят в своей гунине нараспашку, очень похожей на малороссийскую свитку, с узкими рукавами, длинной по колена, белого грубого сукна, с красной каймой от ворота до ног, с рядом пуговиц и петель, которые, впрочем, ни к чему не служат, в синих шароварах, оканчивающихся у колен, в «доколенцах» белого же сукна, заменяющих чулки и «опанках», обуви из телячьей кожи, чрезвычайно похожей на древние сандалии своим видом, и прикрепленной к ногам ремнями «опутами». Сверх гунины, они обыкновенно надевают камзол (елек), красного сукна, испещренный шелковыми, а иногда мишурными шнурками, окаймлен-

¹³ Чета – неприятельский набег, почти то же, что баранта киргизов.

ный позументом; под гунину – род жилета, «джамадан», алого сукна. Северные черногорцы, или бердяне, редко носят гунину; место ее занимает «косуля», рубаха, нередко тонкого холста, шитая по вороту и с широкими, висячими рукавами; она выходит из-под «джамадана», и ниспадает до колен широкой юбкой; словом, одежда эта почти нисколько не отличается от албанской. Но те и другие, северные и южные черногорцы, носят одинаковые красные шапочки, обшитые до половины черной тафтой и иногда повитые тонкой чалмой; оружие, состоящее из длинного, так называемого арнаутского ружья, почти всегда изукрашенного мелкой, искусной насечкой из серебра и перламутра, два пистолета, нередко чистого булата, в оправе цельного, литого серебра и наконец ятаган, который вместе с пистолетами носится за поясом, спереди, составляют принадлежность всякого черногорца. У пояса его висит огниво и все потребности для смазки и чистки оружий, почти исключительного занятия воинственных черногорцев. Одежда женщин немногим отличается от одежды мужчин. Женщины носят также гунины, но только без рукавов; рубахи их более шиты и нарядны; голова замужних покрывается платком, ниспадающим по плечам, а девиц – шапочкой, совершенно похожей на описанные нами мужские шапочки, с той разницей, что она, вся, изукрашена серебряными монетами, большей частью турецкого чекана. Те и другие носят серьги, ожерелья, браслеты, все грубой и тяжелой работы; наконец, широкий пояс, весь покрытый камнями, сердоликами, халцедонами и ониксами, составляет одно из главнейших украшений черногорок; все их оружие состоит из узкого, висячего у пояса ножика, которому они дают иногда кровавое употребление. Чтобы не уклоняться от истины, я должен заметить, что косуля, рубаха, не составляет необходимой принадлежности одежды обитателей Черногории обоего пола и что бедные едва знакомы с употреблением ее.



Рис. 1, 2. Национальные костюмы черногорцев [9].

В Черноевиче есть развалины укреплений, воздвигнутых героем страны, которого имя носит и река, и деревня, и эти развалины; есть монастырь, о двух кельях, есть монах, ветхий страж этого ветхого здания, в котором находил я прибежище, но не защиту от дождя. В нем проводил я только ночи; дни текли в трудных занятиях, сопряженных с путешествием, в напряжениях физических и нередко в душевной истоме. Но исследования мои в окрестностях приходили к концу, и я с радостью спешил оставить монастырскую нору, тем более, что предстоявшее путешествие в лодке по реке и озеру обещало отдых после трудностей горных переходов: так, по крайней мере, думал я.

Не стану описывать пещеру, из которой выходит река Черноевич, хотя эта пещера, своим великолепием и блеском сталактитов, мало уступает знаменитой Гейдельбергской пещере. Довольно, что она истомила меня своим бесконечным пространством и извилистыми переходами. – Обращаюсь прямо к своей флотилии.

Глава V

Плавание по реке Иван-Бегово-Черноевич и озеру Скутари. Пребывание в нахии Церничке

11-го июня, нов. стил.

Худо нам было. – Надолго останется для нас памятным случившееся приключение, а тогда – о, тогда оно было слишком свежо, слишком чувствительно, чтобы могло изгладиться внешними впечатлениями, и потому, удивительно ли, что плавание наше совершалось в печальной тишине, нарушаемой только плеском весел да восклицаниями гнева, которые то и дело срывались с уст черногорцев. Извилины реки Черноевич, горы, которые забегали отовсюду и становились у нас под носом, преграждая путь, наконец, палящее солнце, – все это пыталось нас страшными муками.

– Дьяволы! – воскликнуло, наконец, несколько голосов, и столько же выстрелов раздалось по одному направлению.

– Что там еще? – спросил я.

– Жабляк!

– Так чему ж вы обрадовались?

– Обрадовались! – пробормотал с досадой один из черногорцев.

– Отсюда так же легко достать его зубами как и пулей!

– Так гребите ближе к Жабляку! – воскликнул черногорец, выведенный из терпения.

– Держись далее, – сказал я хладнокровно, но не менее его раздосадованный.

Черногорец должен был притаить свой бессильный гнев, вскипавший порой невнятным ропотом. – Настало прежнее молчанье. – Болезненное чувство тяготило всех нас.

Так миновали мы небольшой островок, где некогда находилась турецкая таможня. Отсюда длинная цепь была перекинута на оба берега; и заслоняла путь людям не оплаченным или неприязненным. Превали и Жупа остались влево; небольшой монастырь виднелся довольно ясно по тому же направлению; теперь он пуст по-прежнему; но восемь лет тому назад, после долгого запустения, он огласился торжественною молитвою: в нем совершалось посвящение нынешнего Владыки в сан архимандрита архиереем Турецкой Албании, который не решился ехать внутрь Черногории.

Наконец, река становилась все шире и слилась в одну обширную равнину вод – озеро Скутари! Вольно, весело стремился вдаль мой взор, утомленный до того непрерывными преградами. Заходящее солнце разрисовывало фантастическими красками стекло вод: то набрасывало на него дымчатую фату, то волновало топленным золотом, то переливалось радугой, а там, где зароняло свой минутный луч в черные пропасти гор, – там казалось оно всевидящим оком провидения, заглядывающим, порой, в грешную душу, и как таинственны были эти пропасти, непроницаемые для глаза смертного, и как чудесно противоположны ясной беспредельности вод! – Прохлада веяла отрадой на душу; солнце все западало более и более, тьма ложилась на равнине озера шире и шире; вдали турецкий корабль, плеща, парусился и, тщетно напрягая грудь, чуть двигался. Скутари виднелся весь в золоте, словно чертог русалок, погруженный в водную пучину. Со стороны Черногории слышался благовест к вечерне, а на минарете Жабляка муэдзин призывал своих к молитве. В этом таинственном трепетании вод, в этой благоговейной тишине природы скрывалась глубокая молитва. – О, как ты прекрасна мать природа! Не хочу быть птицей, чтобы носиться в поднебесье: на крыльях мысли я унесусь далеко, далеко!

– Полно глядеть сентябрем попе, – сказал я, ударив его по плечу, – посмотри, как все весело и прекрасно!

– Бога ми, лепо! – произнес он, не приподнимая головы.

– Да перекрести хоть лоб, окаянный! – воскликнул я, раздосадованный его невниманием, – слышишь, колокол сзывает православных людей к вечерне!

– Так.

– Теперь, когда молитва сделала тебя добрее и веселей, скажи мне, не турецкий ли то корабль?

– Есть!

– А сколько на нем пушек?

Попе, осенив рукой глаза и пристально поглядев вдаль, обратился к другим с полувопросом: то не самый большой? – и потом продолжал: – На нем четыре пушки!

– А что хочет делать этот урод? Видишь, зашевелились на нем люди!

– Дьявол! Он завидел нас и убегает назад.

– А разве нам мало пути, и мы не разъедемся на нем?

– А разве месяц идет навстречу солнцу, когда его завидит.

– Бога ми и Св. Петра, есть! – произнес другой, подкрепляя столь убедительную логику.

– Куда ж поползла эта шутиха? – спросил я, указывая на гальот самого дурного устройства.

– Думаю, в Жабляк!

– Бога ми, не! Наши пушки не допустят его далее этого места, – сказал переник.

– А где ваши пушки? – спросил я с изумлением, оглядываясь кругом и не видя ничего похожего на укрепление.

– На этой башне! – произнес он с гордостью, указывая влево. – Действительно, на небольшом утесе, составляющем остров Лисандр и заслоняющем собой вход в устье Черноевич, выглядывало из-за груды камней серенькое, круглое зданье, – как бы назвать его, чтоб быть ближе к истине, – ну, да назовем башней; разве редко случается, что вещи называются не принадлежащими им именами. В башне было на ту пору пять человек гарнизона и две пушки, небольшие, но очень красивые и в исправном состоянии, с орлом между цапфами. Думали ли эти орлы, носясь за победоносными племенами Наполеона, свить гнездо свое, подобно обыкновенным воронам, на голом утесе Черногории. Но не такой ли утес скрыл и путевую звезду их?

Подобных башенок находится несколько в Черногории; все они расположены на границах турецких, и вполне удовлетворяют своему назначению, как сторожевые пикеты. В случае нападений, которые пограничные турки стараются делать большей частью врасплох, черногорцы запираются в этих башнях, и нередко, в числе 50 (более не может поместить каждая из них), отражают неприятельские силы, в 20 раз их превосходящие числом, пока собравшиеся однородны не подспеют к ним на выручку. Только одна лисандровская башенка имеет пушки; другие укрепления снабжены старыми мортирами или другим нашедшимся оружием большего размера, которое, обыкновенно, после двух-трех выстрелов делается негодным; но самая лучшая для них оборона, это ружье, это грудь черногорца, которому скажите: ступай защищать эту башню, чтобы только задержать неприятеля на пути, умри, не сдаваясь, как следует «истому» черногорцу, и он не колеблясь идет на смерть.

И так, этого рода укрепление черногорцы противопоставили турецкой силе на Скутарском озере, состоявшей, прежде, из двух гальотов и двух малых судов, на которых находилось до десятка разнородных орудий, но ныне, благодаря заботливости турок, один гальот сгнил.

Мы было уже забыли о Жабляке, как вдруг, раздавшийся с его укреплений выстрел напомнил о нем: неужели это ответ на выстрелы черногорцев? В таком случае бесполезная угроза, потому что ядра не могли долетать и на полпути до нас. Впрочем, я обязан благодар-

ностью Г. Гакиму, коменданту крепости, за этот выстрел: он навел моих спутников на весьма занимательный рассказ о взятии Жабляка 20-ю черногорцами.

Лет пять тому назад, одна из важнейших и опаснейших для черногорцев турецких крепостей, Подгорица, и соседственная с нею нахия Кучи, утомленная непрерывными неприятельскими действиями, основанными на взаимном опустошении и грабеже, заключили между собою союз, или, по-здешнему: «хватали веру» на целый месяц. В припадке великодушия, или может быть уже храня злой умысел, подгоричане распространили влияние мира на все одушевленное и неодушевленное. Это значило, что не только овцы и женщины, но лошади и мужчины – последние с оружием и без оружия – могли свободно входить в город и посещать зависящие от него племена; словом, это был мир в обширном смысле слова. Большая часть кучан еще не были от рождения в Подгорице, несмотря на то, что некоторые жили за два ружейных выстрела от нее: мудрено ли, что все спешили воспользоваться случаем побывать в городе. Между соседями завелись связи, кумовство христиан с магометанами, столь уважаемое последними, пиры, веселье... Не долго, однако, пировали новые друзья. Черногорцы, верные своему слову, как ружью, и не думали подозревать измены; они были в Подгорице так же беззаботны, как у себя, в Кучи, и дорого заплатили за свою доверенность. Семнадцать человек из них, безоружные и беззащитные, были схвачены, зарезаны и головы их – трофеи измены – выставлены на стенах крепости. Такой постыдный поступок взволновал всю Черногорию и требовал особенного мщения. Взять Подгорицу, снабженную сильным гарнизоном и пушками, хорошо укрепленную, – взять ее с одними ружьями было нелегко, тем более, что подгоричане ожидали возмездия и были на стороже. Решили взять другую крепость – Жабляк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.